
ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА *

Гребнев Р. Д.**

В статье проанализированы подходы российских и зарубежных ученых по вопросам глобального регулирования международных отношений, предложен авторский взгляд на сущность глобального регулирования, направленного на становление мирового порядка. В тексте представлена концепция децентрализации глобального регулирования, по мнению автора, соответствующая актуальной тенденции становления многополярного миропорядка. Предложена дефиниция децентрализованного глобального регулирования через его признаки и принципы, а также выявлены и обоснованы основы системы глобального регулирования в многополярном мире. В результате исследования сделан общий вывод о том, что становление многополярного миропорядка представляется следствием формирования системы децентрализованного глобального регулирования, отражающего новый баланс сил и содействующего стабилизации системы международных отношений. Децентрализация представлена как системообразующий принцип глобального регулирования в многополярном мире.

Ключевые слова: глобальное регулирование международных отношений, многополярный миропорядок, децентрализация глобального регулирования, глобализация политических процессов, политическая глобалистика, многополярность.

DECENTRALIZATION OF GLOBAL REGULATION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER

The article analyzes the approaches of Russian and foreign researchers on the issues of global regulation of international relations, offers the author's view on the essence of global regulation aimed at the formation of world order. The text

* Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова.

Для цитирования: Гребнев Р. Д. Децентрализация глобального регулирования международных отношений в контексте формирования многополярного миропорядка // Век глобализации. 2025. № 3. С. 71–84. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.06.

For citation: Grebnev R. D. Decentralization of Global Regulation of International Relations in the Context of the Formation of a Multipolar World Order // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 3. Pp. 71–84. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.06 (in Russian).

** Гребнев Руслан Дмитриевич – к. ю. н., заместитель декана по международному сотрудничеству факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ruslan D. Grebnev – Ph.D. in Law, Deputy Dean for International Cooperation of the Faculty of Global Studies at the Lomonosov Moscow State University.

presents the concept of decentralization of global regulation, which, in the author's opinion, corresponds to the current trend of the formation of a multipolar world order. A definition of decentralized global regulation through its features and principles is proposed, and the foundations of the system of global regulation in a multipolar world are identified and substantiated. As a result of the study, a general conclusion is made that the formation of a multipolar world order appears to be a consequence of the formation of a system of decentralized global regulation reflecting a new balance of power and contributing to the stabilization of the system of international relations. Decentralization is presented as a system-forming principle of global regulation in a multipolar world.

Keywords: *global regulation of international relations, multipolar world order, decentralization of global regulation, globalization of political processes, political globalistics, multipolarity.*

Формирование многополярного миропорядка является актуальным глобальным политическим процессом. Вместе с тем в научной литературе, посвященной исследованию указанного процесса, остаются определенные пробелы, которые затрудняют теоретическое осмысление многополярного миропорядка.

Тематика множества научных конференций и публикаций посвящена проблематике глобального управления, при этом сам термин «глобальное управление» представляется неудачным с научной точки зрения. А более релевантное понятие «глобальное регулирование» не находит должной теоретической концептуализации, вплоть до того обстоятельства, что оно зачастую используется в научной литературе как синоним глобального управления или как мало отличимое от мировой политики явление. Также остается нерешенным вопрос о субъектном составе, объектах воздействия посредством глобального регулирования и, собственно, содержании этого процесса.

Несмотря на внушительный массив научных работ, посвященных вопросам формирования многополярного мира, в них существует определенный недостаток в части исследования многополярного миропорядка, более того, зачастую исследователи не дифференцируют понятия «многополярный мир» и «многополярный миропорядок». В актуальном состоянии научной разработанности этого вопроса проблема формирования баланса сил и стабилизации системы международных отношений в многополярном мире также остается без должного внимания исследователей.

В практической области на фоне глобальной трансформации международных отношений по многополярной модели наблюдаются: (А) задержка реформирования ООН и других всемирных организаций; (Б) активное развитие не ограничивающих государственный суверенитет межгосударственных объединений, выполняющих в условиях поляризации международных отношений функции глобального регулирования вне ООН; (В) всемирная тенденция регионализации международных отношений и другие предпосылки развития подходов к глобальному регулированию.

Актуальная тенденция разворота внешней политики суверенных государств на обеспечение своих национальных интересов предполагает необходимость исследования вопросов баланса целей мировой политики и внешнеполитических концепций мировых и региональных держав, который должен быть обеспечен в по-

рядке формирования многополярного миропорядка. Указанная тенденция также характеризуется необходимостью «перехода от идеализма к реализму» и отказа от принципов «игры с нулевой суммой», повышающих уровень международной конфликтности [Sinclair 2018: 11]; эта постановка вопроса особенно актуальна в условиях формирования новых центров силы. В данном контексте повышенный уровень международной конфликтности выступает как индикатор кризиса глобального регулирования, в то время как существующий научный задел является недостаточной основой для систематизации принципов построения системы глобального регулирования международных отношений и методов его реализации в условиях многополярности.

На основании изложенного представляется обоснованным связывать актуальность темы исследования с необходимостью поиска системообразующего принципа глобального регулирования международных отношений в многополярном мире и решением поставленных выше вопросов.

Глобальное регулирование международных отношений

Наиболее релевантным для темы настоящей статьи значением латинского выражения *regulo* является «привожу в порядок». Исходя из этимологии рассматриваемого понятия, любое регулирование имеет своей целью установление определенного порядка. Регулирование как особый вид общественных отношений подразумевает его субъект-объектный состав, а при перенесении на социальную среду наличие регулирующей и регулируемой частей общественных отношений влечет за собой неравенство субъектов. В силу указанной особенности регулирования зачастую рассматривается как один из видов управляющего воздействия.

Если обратиться к поиску дефиниции глобального регулирования международных отношений, представляется возможным отыскать некоторые смежные определения. Так, например, глобальное экономическое регулирование является устойчивым научным термином, определение которого явно отделяет глобальное регулирование от управления, поскольку концепция управления, «конечно же, не может подойти под формирующуюся международную систему, имеющую значительно более мягкий, подчас индикативный характер» [Глобальное... 2014: 20]. Англоязычный термин «“global governance” обычно рассматривается как регулирование и решение глобальных проблем в политическом пространстве, которое не имеет единой централизованной власти, а значит, управления, в привычном классическом понимании, как такового не существует» [Смакотина, Егоренкова 2021: 127]. Несмотря на то обстоятельство, что «глобализация на Западе рассматривается как объективное явление, которое можно контролировать», «создание системы эффективного глобального управления на данный момент считается невозможным» [Леонова 2018: 15].

Отличительными признаками глобального регулирования международных отношений являются наличие регулирующей и регулируемой подсистем международных отношений, дозволительный характер глобального регулирования и объективная ограниченность контрольных функций. Не обладая всеми функциями управления, глобальное регулирование имеет эпизодический характер вмешательства в систему международных отношений. «Малые и средние державы, и даже великие державы в системе баланса сил, должны были привыкнуть к очень

небольшой степени контроля над средой; им приходилось приспосабливаться к изменениям» [Keohane, Nye 1972: 23]. Глобальное регулирование как направленное воздействие на параметры системы международных отношений осуществляется исключительно для их установки, поддержания и корректировки при такой необходимости.

Рассматриваемый процесс имеет сложный субъектный состав, обеспечивающий многосторонние форматы реализации глобального регулирования. «Пандемия реально показала, что глобальная угроза может прийти не от какого-то государства или с какой-то территории, как, например, терроризм, а иметь биогенный характер. В этих условиях глобальное управление (читай здесь и в других приведенных цитатах – “регулирование”. – Р. Г.) должно быть ориентировано на сотрудничество и взаимодействие государств, международных организаций и институтов, а также структур бизнеса и академических сообществ. Иными словами, оно должно быть многосторонним и многоуровневым» [Лебедева, Кузнецов 2021: 17–18].

Представляется возможным описывать систему глобального регулирования как «снизу вверх», имея в виду, что суверенные государства формируют основу системы международных отношений, что будет верно, так и «сверху вниз». Для наглядной демонстрации сущности глобального регулирования предлагается взглянуть на всемирные и международные организации как основу этой системы, поскольку роль международных организаций в системе глобального регулирования заключается в «транснациональном управлении» [Brambila Martinez 2021: 37–38]. Субъектный состав глобального регулирования также дополняют межгосударственные объединения (без образования международных организаций) и уже указанные суверенные государства.

В контексте темы глобального регулирования вопрос государственного суверенитета поднимается в различных аспектах. В частности, «глобализация породила новое понимание проблемы взаимодействия между государственным и надгосударственным уровнями принятия решений. Для всех концепций глобального экономического и политического управления характерны представления о том, что государство как носитель суверенитета не может и/или не должно быть высшей формой организации социально-политического пространства, хотя может являться источником полномочий и легитимности наднациональных институтов» [Барановский, Иванова 2015: 36]. Вместе с тем, на наш взгляд, уровень суверенности государства, означающий степень его политической независимости в международных делах, предопределяет возможность участия в непосредственном регулировании международных отношений. Более того, роль государства в глобальном регулировании находится в прямой зависимости от его субъектности в системе международных отношений, где статус центра силы является высшим выражением субъектности государства.

Далеко не каждый вид международных отношений может относиться к объектам глобального регулирования. Объекты глобального регулирования имеют взаимосвязь с «общественными благами» [Антипина, Янь 2024], более того, эти блага имеют всеобщее – глобальное значение. Объектами воздействия посредством глобального регулирования являются долгосрочное мировое развитие, решение глобальных проблем, формирование повестки мировой политики и сниже-

ние международной конфликтности. Общественными благами всеобщего – глобального значения, безусловно, являются коллективная безопасность, международное сотрудничество и устойчивое развитие. В качестве основных компонентов глобального регулирования международных отношений выступают нормотворчество и мониторинг соблюдения норм, координация международных отношений и традиционные методы мировой политики: дипломатия, сила, политическое влияние. «На глобальном уровне мы обнаруживаем не мировое правительство, а существование режимов, норм, правил и институтов, которые управляют удивительно большим количеством вопросов в мировой политике. Острова управления более плотно сконцентрированы среди развитых государств, но они часто имеют глобальное расширение» [Keohane 2002: 209].

Если подвести промежуточный итог сказанному, глобальное регулирование международных отношений предлагается понимать как инструмент внешнеполитического влияния центров силы и основанную на верховенстве общепризнанных норм деятельность институтов мировой политики, направленную на обеспечение коллективной безопасности, развитие международного сотрудничества и ликвидацию диспропорций мирового развития.

Исходя из предложенного определения глобального регулирования международных отношений, можно сделать вывод о том, что центры силы играют ключевую роль в формировании системы регулирования, и эта система содействует реализации их национальных интересов. «Переход от теории гегемонистской стабильности к концепции коллективного управления мировым... порядком» может рассматриваться «как фактор отражения национальных приоритетов» [Бабурина 2011: 25–32]. Поэтому «действующая система Бреттон-Вудских институтов, позиционирующая себя как фундамент неолиберальной глобализации, в реальности представляет собой механизм защиты национальных интересов США, противостоять которым можно только с позиций экономической силы» [Бабурина 2021: 29].

Учет реального распределения сил в мировой политике является основополагающим принципом формирования системы глобального регулирования международных отношений, однако не единственным. К таким принципам также относятся уважение национальных интересов суверенных государств и инклюзивность. Учет субъектности суверенных государств предполагает создание адекватной системы представительства в институтах мировой политики. Баланс целей мировой политики и национальных интересов суверенных государств содействует легитимности глобального регулирования. В условиях «транзита от одной модели глобализации к другой... перехода от моноцентричного мира к миру полицентричному, в котором будет несколько центров силы и много полюсов экономической, политической или военной мощи» [Леонова 2024: 10], вовлечение заинтересованных сторон в вопросы глобального регулирования имеет своей целью учет многообразия позиций по вопросам мировой политики.

По организационным признакам глобальное регулирование международных отношений может быть централизованным и децентрализованным. Каждый из указанных способов организации системы глобального регулирования обладает своими характерными особенностями. Централизованное регулирование основано на субординации субъектов и стремлении к императивному порядку управления. «Именно в таком виде концепция “глобального управления” была сформули-

рована в докладе “Наше глобальное соседство”, выпущенном еще в 1995 г. созданной в 1992 г. Комиссией ООН по глобальному управлению. Авторы предполагали, что на основе ООН должна быть создана качественно новая наднациональная система институтов управления, которая обеспечивала бы контроль со стороны “глобального гражданского общества” над согласованием государствами уровней своего потребления, направленности развития, осуществления практической деятельности» [Войтоловский 2011]. Указанная концепция критиковалась зарубежными учеными, которые называли «примерку идеи глобального конституционализма к реформированию ООН» и связанную с этим десоверенизацию государств «утопией глобального конституционализма» [Lopez-Claros *et al.* 2020: 479]. В отличие от централизованного регулирования, децентрализованное имеет своей целью координацию международных отношений и гармонизацию интересов и целей их участников.

В зависимости от характера международных отношений глобальное регулирование может выражаться в формах дозволения, рекомендации, требования, ограниченного принуждения и превентивного воздействия. Глобальная история демонстрирует несостоятельность императивного регулирования международных отношений, так как «глобальное регулирование... не подразумевает под собой воздействия, кроме рекомендательного характера» [Мартьянов 2023: 93]. Наиболее релевантными терминами, обозначающими методы глобального регулирования, являются заимствованные из юридических наук – императивный и диспозитивный методы. Императивный метод глобального регулирования, рассматриваемый нами исключительно в теоретическом аспекте, предполагает возможность принуждения и ответственности государств за нарушение общепризнанных норм международных отношений. Такой метод глобального регулирования входит в противоречие с концепцией многополярности. Диспозитивный метод глобального регулирования основан на равноправии сторон международных отношений и договорах между ними, при этом равноправие сторон не тождественно условному равенству субъектов международных отношений в силу различного уровня их субъектности.

Децентрализация глобального регулирования

Теоретические предпосылки формирования многополярного миропорядка обнаруживаются в теории глобального эволюционизма. Современный этап эволюции глобализационных политических процессов характеризуется переходом от модели однополярного мира к многополярной модели, «переходом от моноцентричного мира к новому полицентричному миру глобальных регионов» [Смакотина, Волков 2024: 4]. Однополярной модели соответствует миропорядок, основанный на правилах, установленных единственным центром силы, а многополярному миру – миропорядок, основанный на своде правил, согласованных и установленных центрами силы многополярного мира на принципе консенсуса.

Необходимо отметить, что китайские исследователи зачастую рассматривают концепцию порядка, основанного на правилах, иначе, чем это сложилось в российской научной мысли. Точнее говоря, китайский подход не имеет негативного контекста и подразумевает, что порядок, основанный на правилах, является одним из «слоев» глобального регулирования, где происходит гармонизация подхо-

дов центров силы. С этой точки зрения, «прежде всего необходимо инвестировать в порядок, основанный на правилах, который защищает суверенитет и территориальную целостность стран... предоставляет жертвам право на правосудие и возмещение ущерба» [Enhancing... 2024: 5]. С одной стороны, такой подход отражает позицию Китая о роли ответственного отношения мировых держав в вопросах мировой политики, а с другой стороны, говорит о стремлении формирующихся центров силы определять этот порядок.

Если в 2015 г. российским научным сообществом еще обсуждались вопросы «становления системы глобального управления» [Ильин, Леонова 2016: 185], то в актуальном моменте очевидно, что связанному с концепцией глобального управления миропорядку, основанному на правилах, свойственны централизация глобального регулирования международных отношений и формирование «глобальной власти» [Глобальное... 2007: 29], рассматриваемой как очевидное зло, угрожающее самобытности локальных цивилизаций. В процессе централизации глобального регулирования при условии формирования новых центров силы формирующийся баланс сил не обеспечивается соответствующими механизмами его поддержания и происходит дестабилизация системы международных отношений в силу нарушения взаимосвязи «множественного лидерства и координации политики» [Keohane 1989: 232].

Становление многополярного миропорядка представляется следствием формирования системы децентрализованного глобального регулирования международных отношений, отражающего новый баланс сил и содействующего стабилизации системы международных отношений. Децентрализация глобального регулирования отражает уровень внешнеполитического влияния ключевых акторов мировой политики, содействует реализации их национальных интересов, усиливает роль региональных систем регулирования и способствует развитию межгосударственных отношений в условиях многополярности.

«На фоне обострения международных отношений становится все более очевидным, что управлять мировой глобальной системой даже в одной сфере (например, экономической) из одного центра, каким бы значительным он ни был, не представляется возможным. Мировое сообщество, представленное национальными государствами, всегда было и теперь являет собою многополярную систему, в которой необходимо находить консенсус по принципиальным вопросам, касающимся управления данной системой. Отсюда даже тот, кто доминирует в тот или иной момент времени, не может уповать только на грубую силу как основное средство своего влияния. В краткосрочный период это еще возможно, но, в конечном счете, требуется иной подход, основанный на комбинации нескольких инструментов, когда сочетались бы силовое принуждение и “мягкая сила”, применяемые с учетом сложившейся международной правовой, политической и экономической системы» [Чумаков 2013: 410–411].

Децентрализация глобального регулирования международных отношений понимается нами как процесс, обратный централизации, обладающий характерными признаками, первый из которых связан с распределением ответственности между новыми центрами силы в соответствии с зонами их политического влияния. При моделировании мирового развития, подразумевающего формирование новых центров силы и сохранение централизованного глобального регулирования с одним

центром ответственности, российские ученые прогнозируют глобальную «политическую стагнацию, когда сохраняются все негативные... черты: повышенная нестабильность... турбулентность, разрыв между странами Севера и Юга и т. д. В ситуации затухающего лидерства США образуется лагуна глобального управления и глобальной ответственности за состояние дел в мире, что может привести к ситуации хаоса» [Леонова 2019: 69].

Во время встречи Большой семерки в Италии в 2017 г. ставился вопрос ответственности мировых держав за поддержание миропорядка: «...настала пора задуматься, насколько страны – лидеры глобального мира могут взять на себя ответственность за проявившиеся так неожиданно и болезненно проблемы, порожденные глобализацией, и способны ли они создать адекватное этим вызовам глобальное управление и направить мировую цивилизацию на путь устойчивого развития, как это предусмотрено в “Повестке дня ООН – 2030”» [Ильин, Леонова 2017: 69]. Постановка вопроса представляется обоснованной лишь отчасти, поскольку распределение ответственности, на наш взгляд, предшествует формированию миропорядка.

Вторым признаком децентрализации глобального регулирования международных отношений выступает регионализация политических процессов. «Новые режимы управления требуют, чтобы местные субъекты и политики адаптировали свои стратегии на основе пространственного подхода» [Local... 2024: 1], тем самым не столько обеспечивая, сколько не препятствуя естественному ходу интеграционных процессов, основанных на смежности коллективной идентичности наций. «Развитие интеграции “снизу вверх” создает основу для более широких и инклюзивных рамок сотрудничества. Страны с совпадающими геополитическими интересами, схожими целями и общими ценностями могут использовать минилатерализм, чтобы обойти многосторонние институты глобального управления, находящиеся в явном кризисе» [Ильин, Леонова 2023б: 16].

Наблюдаемая поляризация международных отношений, возникающая вследствие приверженности государств старому или новому, пока еще формирующемуся, миропорядку, вкупе с возрастающей ролью межгосударственных объединений и международных организаций, в том числе регионального значения, на которые опираются набирающие могущество державы, предопределяют распределение функций глобального регулирования. Как показывает опыт БРИКС и ШОС, успешно выполняющих некоторые функции глобального регулирования вне ООН, распределение функций между всемирными организациями и другими международными организациями, межгосударственными объединениями и интеграционными образованиями является реальной и действенной мерой эффективной координации международных отношений.

«Рискуя показаться простодушным, следует отметить, что существуют две школы мысли относительно взаимосвязи между международными организациями и распространением власти. Одна школа предполагает, что международные организации – это консервативные организации, призванные заморозить существующие конфигурации власти. Другая – что они должны плюрализировать власть» [International... 2014]. Конечно, в приведенной цитате речь идет о распределении «власти», понимаемой как функции регулирования, между государствами. Однако этот же принцип применим и к всемирным организациям, которые способны

обеспечивать статус-кво разнообразных международных организаций и межгосударственных объединений.

Диверсификацию источников мировой политики, распределение функций всемирных и международных организаций и межгосударственных объединений, регионализацию политических процессов и другие признаки децентрализации глобального регулирования ошибочно связывают с деглобализацией. Так как процесс глобализации необратим, любые суждения об обратном глобализации процессе несостоятельны [Чумаков 2023: 28]. Целостность глобального мира при децентрализации глобального регулирования не нарушается, она обеспечивается системностью указанных выше признаков и соответствующих им принципов глобального регулирования международных отношений в многополярном мире:

– кластерный принцип, подразумевающий формирование центрами силы формальных и неформальных институтов в международных отношениях и в мировой политике;

– принцип релятивизма, содействующий реализации права народов на сохранение культурной самобытности, понимаемой как источник политических концепций;

– принцип легитимности, понимаемый как «право функционировать, применимое ко всем политическим институтам» [Hilbrich 2024: 215], и обеспеченный демократическим мировым порядком и объединительной повесткой;

– принцип сетевой организации, подразумевающий разнообразие форм международных организаций и межгосударственных объединений, в целостном единстве выполняющих функции глобального регулирования международных отношений.

Необходимо отметить, что в работах российских и зарубежных ученых неоднократно ставились вопросы о сетевом принципе глобального регулирования международных отношений, коррелирующие с предлагаемой нами концепцией. При применении институционального подхода российскими учеными были раскрыты «сетевые отношения... в сфере глобальной политики, их влияние на политические и управленческие решения, принимаемые как на национальном, так и на наднациональном уровне, и в рамках глобального управления» [Ильин, Леонова 2023а: 42]. Энн-Мэри Слотер рассматривает систему глобального регулирования в «вертикальном» и «горизонтальном» измерениях, называя множество горизонтальных связей субъектов регулирования «сетями сетей» [Slaughter 2005: 135]. Другими учеными была выявлена взаимосвязь хода глобализации и развития институтов мировой политики, представляющей собой «мультисекторальные отношения», в том числе негосударственных акторов [Nye, Donahue 2000: 271–296]. Также «понятно, что каждый актор преследует собственные цели и представляет определенный пласт мирового сообщества. Однако вместе они образуют общую и единую институциональную основу глобального управления» [Рыбаков 2017: 97].

Как было отмечено выше, многополярному миропорядку соответствует развитие диспозитивного метода глобального регулирования международных отношений, замещающего императивный метод регулирования, свойственный порядку, основанному на правилах. Диспозитивный метод характеризуется усилением роли договорных межгосударственных отношений. В соответствии с диспозитивным методом глобального регулирования международных отношений акторы

вправе самостоятельно устанавливать взаимные права и обязанности, ответственность и порядок разрешения споров и конфликтов, в том числе при посредничестве международных организаций, межгосударственных объединений или иного государства. Диспозитивность метода глобального регулирования международных отношений в многополярном мире ограничивает возможность применения методов принуждения, противоречащих международному праву, в том числе военного вмешательства во внутренние дела государства и санкционного давления. Системность децентрализованного регулирования, основанного на принципе диспозитивности, обеспечивается «диффузной взаимностью... в мировой политике», связанной с «эквивалентностью выгод» государств, извлекаемых из международного сотрудничества [Keohane 1989: 1].

В целом децентрализация глобального регулирования рассматривается нами как объективный процесс, связанный с формированием многополярного мира и предшествующий становлению многополярного миропорядка. Вместе с тем данный объективный процесс сопровождают субъективные «факторы, которые оказывают либо тормозящее, либо ускоряющее влияние на динамику глобальных политических процессов» [Ильин, Леонова 2022]. С учетом диспозитивности децентрализованного глобального регулирования указанные субъективные факторы представляют собой комплексную проблему, решение которой предопределяет «архитектонику» системы децентрализованного глобального регулирования.

Одним из ключевых факторов, содействующих децентрализации глобального регулирования международных отношений, является развитие межгосударственного объединения БРИКС. Последнее может рассматриваться как коллективный полюс новой биполярности [Yanano Mangani 2023: 59–61], который формирует новый баланс сил в противовес коллективному Западу. Потенциал БРИКС в контексте глобального регулирования обеспечен «прагматическим аспектом платформы», перспективами «заключения прорывных экономических соглашений на основе платформ Глобального Юга» и «использования платформ БРИКС/БРИКС+ для урегулирования и разрешения споров... Платформа БРИКС могла бы сыграть особенно важную роль в разрешении конфликтов на Глобальном Юге, то есть между развивающимися странами» [Lissovlik 2023: 146].

К этому же «клубному формату» субъектов глобального регулирования относятся Группа Семи и Группа Двадцати. «Структуры “клубов” более гибкие по сравнению с межправительственными организациями, они не предполагают не только межправительственного договора о создании, но и большого управленческого аппарата. Задача “клубов” в основном заключается в том, чтобы ставить проблемы и определять возможные пути их решения. Сами же решения реализуются в большей степени через структуры и механизмы национального уровня, а также в ряде случаев и через межправительственные организации» [Лебедева 2013: 85–86]. Можно было бы предполагать, что по геополитическим причинам деятельность Большой семерки замедляет ход децентрализации, хотя выполнение Группой функций глобального регулирования вне ООН и других всемирных организаций есть не что иное, как децентрализация глобального регулирования. В этом контексте представляет значительный интерес Большая двадцатка, в состав которой входят представители и Большой семерки, и БРИКС. Таким обра-

зом, формат Большой двадцатки становится платформой согласования позиций обоих блоков.

Наряду с развитием самого БРИКС не менее важную роль в формировании децентрализованной системы глобального регулирования играет внешняя политика стран – участниц межгосударственного объединения. «Страны БРИКС стали центральными в глобальном управлении. Они заявили о своем присутствии в глобальном управлении через свои собственные форумы или в качестве членов других многосторонних институтов, таких как ООН, Всемирный банк и МВФ» [Kumar 2022: 112]. Китай ранее других стран БРИКС приступил к реализации меж- и трансрегиональных проектов, к которым безусловно следует относить китайскую инициативу «Один пояс – один путь», и совместно с Россией обеспечил развитие Шанхайской организации сотрудничества на принципах децентрализации глобального регулирования международных отношений.

Очевидно, что децентрализация глобального регулирования осложнена реализацией международной политики США и позициями Европейского союза, затрудняющими процесс формирования многополярного миропорядка и проведение реформ всемирных организаций. Внешняя политика США на современном этапе отвечает признакам гегемонистской войны и хаоса, предшествующего формированию нового мирового порядка.

В условиях децентрализации глобального регулирования международных отношений в многополярном мире возрастает динамика геоэкономических процессов. Концепция многополярности предполагает возможность реализации национальных интересов государств посредством установления справедливой доли участия в мировой экономике, которая определяется местом и ролью государства в системе международных отношений:

- центра силы или мировой державы;
- региональной державы или регионального государства-лидера;
- политического, военного и/или экономического полюса многополярного мира;
- государства, обеспечивающего безопасность ключевой транзитной зоны;
- государства, находящегося в зоне политического, военного и/или экономического влияния другого государства.

Вариативность потенциальной архитектуры многополярного мира не позволяет унифицировать подход к распределению доли в мировой экономике, в связи с чем дополнительно возникает объективная необходимость в децентрализации глобального регулирования международных отношений.

Заключение

Систему децентрализованного глобального регулирования международных отношений в обозримой перспективе будут формировать:

- всемирные организации (ООН, ВТО, МВФ и др.);
- межгосударственные объединения БРИКС, G7 и G20 – платформы согласования и гармонизации внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин ключевых акторов мировой политики;
- ШОС – международная организация, деятельность которой является модельной формой регулирования меж- и трансрегионального сотрудничества в условиях многополярности;

– региональные и субрегиональные союзы государств, международные организации и межгосударственные объединения, формирующиеся на принципах смежности концепций политической организации жизни общества и коллективной идентичности;

– представительные форумы, саммиты и конференции по межрегиональной тематике;

– суверенные государства, выступающие гарантами соблюдения международного порядка.

Предлагаемая нами концепция децентрализации глобального регулирования международных отношений имеет конкретное практическое назначение, которое заключается в следующих целевых направлениях:

– снижение международной конфликтности;

– ликвидация диспропорций мирового развития;

– ограничение возможности злоупотребления глобальным лидерством в международных отношениях.

Децентрализация глобального регулирования международных отношений также подразумевает:

– реорганизацию органов ООН и других всемирных организаций с учетом интересов новых центров силы;

– институционализацию региональных систем международных отношений;

– развитие подходов ООН по приобретению международными организациями специального статуса в органах всемирной организации и формированию региональных комиссий.

Литература

Антипина О. В., Янь В. Теоретические основы глобального управления // Россия – Китай: перспективы экономического развития. Сб. науч. статей участников II Международной научно-практической конференции «Россия – Китай: перспективы экономического развития». Иркутск : Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2024. С. 13–19.

Бабурина О. Н. Переход от теории гегемонистской стабильности к концепции коллективного управления мировым экономическим порядком как фактор отражения национальных приоритетов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 9. С. 25–32.

Бабурина О. Н. Проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях Бреттон-Вудской системы глобального управления // Вклад транспорта в национальную экономическую безопасность. Труды VI Международной научно-практической конференции. М. : ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта» РУТ (МИИТ), 2021. С. 26–30.

Барановский В. Г., Иванова Н. И. Глобальное управление: возможности и риски. М. : ИМЭМО РАН, 2015.

Войтоловский Ф. Г. Идеология «глобального управления»: от утопий к практике [Электронный ресурс] : Международная жизнь. 2011. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/531> (дата обращения: 21.04.2025).

Глобальное управление: учеб. пособие / под ред. А. И. Соловьева. М. : Инфра-М, 2007.

Глобальное экономическое регулирование: учебник / под ред. В. Н. Зуева М. : Магистр, 2014.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Исследование глобальных процессов: достижения, проблемы и перспективы // *Век глобализации*. 2016. № 1–2. С. 182–190.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Глобализация, интеграция и устойчивое развитие. Международный форум G7 // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2017. № 9. С. 66–71.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Факторы динамики глобальных политических процессов [Электронный ресурс] : Электронный научно-образовательный журнал «История» (ЭНОЖ). 2022. № 9. URL: <https://history.jes.su/s207987840023011-1-1/>.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Новые подходы к исследованию феномена глобализации в зарубежной науке // *Век глобализации*. 2023а. № 3. С. 35–47.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Формирующиеся тенденции глобальных политических процессов // *Вестник МГУ. Сер. 27. Глобалистика и геополитика*. 2023б. № 3. С. 3–22.

Лебедева М. М., Кузнецов Д. А. Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам // *Вестник МГИМО-Университета*. 2021. № 2. С. 7–21.

Лебедева М. М., Харкевич М. В., Касаткин П. И. Глобальное управление. М. : МГИМО-Университет, 2013.

Леонова О. Г. Концептуализация понятия «глобализация» в современной науке // *Век глобализации*. 2018. № 1. С. 15–24.

Леонова О. Г. Глобальные политические вызовы современности // *Век глобализации*. 2019. № 3. С. 61–72.

Леонова О. Г. Деглобализация versus глобализация // *Век глобализации*. 2024. № 9. С. 3–19.

Мартыанов А. О. Концепция глобального управления: к постановке проблемы // *Российская полития в XXI веке: внутренние и внешние вызовы* / отв. ред. Ю. С. Афанасьева, М. Р. Ткаченко. Сыктывкар, 2023. С. 89–94.

Рыбаков А. В. Глобализация, глобальное управление и национальное государство. М. : МАИ, 2017.

Смакотина Н. Л., Волков А. В. Трансформация мирового порядка в условиях международной нестабильности: открытый мир и синергия цивилизаций // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 27. Глобалистика и геополитика*. 2024. № 1. С. 3–22.

Смакотина Н. Л., Егоренкова М. А. Глобальное управление или глобальное регулирование? // *Социально-гуманитарные знания*. 2021. № 4. С. 118–130.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контурсы целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013.

Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // *Век глобализации*. 2023. № 1(45). С. 128–141.

Brambila Martinez F. J. The Role of International Organizations, Transnational Governance, Metrics and Indicators of the Quality of Government Activity within the Framework of Global Governance // *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2021. No. 2. Pp. 37–46.

Enhancing Global Governance in a Fragmented World: Prospects, Issues, and the Role of China / ed. by H. Huiyao Wang, M. Lu. Singapore : Springer, 2024.

Hilbrich S. On Legitimacy in Global Governance: Concept, Criteria, and Application. Cham : Palgrave Macmillan, 2024.

International Organization and Global Governance. Ch. 3. The Global South / ed. by Th. G. Weiss, R. Wilkinson. New York: Routledge [Электронный ресурс]. URL: <https://www.routledge.com/International-Organization-and-Global-Governance/Weiss-Wilkinson/p/book/9781032210124> (дата обращения: 23.04.2025).

Keohane R. O. International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. Chapter 6: International Organization. New York : Routledge, 1989.

Keohane R. O. Power and Governance in a Partially Globalized World. New York : Routledge, 2002.

Keohane R. O., Nye J. S. Transnational Relations and World Politics. Cambridge : Harvard University Press, 1972.

Keohane R. O., Nye J. S. Power and Independence. 2nd ed. Glenview : Scott Foresman, 1989.

Kumar R., Thomas B. BRICS in Global Governance: A Gradual but Steady Expansion // Governance and Politics. 2022. No. 1. Pp. 100–113.

Lissovlik Ya. D. BRICS-Plus: The New Force in Global Governance // Journal of International Analytics. 2023. No. 1. Pp. 138–148.

Local Governance and Development in Africa and the Middle East / ed. by Kh. Darmame, E. Ross. Cham : Springer, 2024.

Lopez-Claros A., L. Dahl A., Groff M. Global Governance and the Emergence of Global Institutions for the 21st Century. Cambridge : Cambridge University Press, 2020.

Nye J. S. Jr., Donahue J. D. Governance in a Globalizing World. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2000.

Sinclair T. J. Global Governance. New Jersey : John Wiley & Sons Limited, 2018.

Slaughter A.-M. A New World Order. New Jersey : Princeton University Press, 2005.

Yanano Mangani D. BRICS as a Catalyst for Global Governance Transformation: Beyond Western Perceptions // MGIMO Review of International Relations. 2024. No. 1. Pp. 46–64.